

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ УМЫСЛА И ЕГО ТОЛКОВАНИЕ

Хилюта Вадим Владимирович

доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
Беларусь, Гродно
E-mail: tajna@tut.by

Предмет исследования: в статье рассматривается вопрос о сущности умышленной формы вины. Намечены аспекты понимания интеллектуального компонента умышленной формы вины по уголовному праву России и Беларуси.

Цель исследования: определить сущность интеллектуального компонента умышленной формы вины и аспекты толкования прямого и косвенного умысла правоприменителем.

Методы и объекты исследования: при проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, историко-правовой, аналитический, системный, логический.

Основные результаты исследования: автором констатируется, что осознание общественной опасности и противоправности имеет различное объяснение в рамках уголовного и административно-деликтного права. Однако в своей сущности эти понятия имеют одинаковое предназначение. Наличие двойных критериев в части отличия прямого умысла от косвенного в уголовном праве нивелирует волевой компонент вины, т. к. желание всегда подменяется предвидением, что непременно расширяет границы прямого умысла. Конструкция субъективной стороны состава преступления, содержащаяся в уголовном законе (ст. 25 УК РФ), позволяет утверждать, что сегодня содержание волевого признака умышленной формы вины определяется исходя из содержания интеллектуального признака умысла. Это неправильно, т. к. основное отличие прямого умысла от косвенного должно проводиться по волевому компоненту вины.

Ключевые слова: вина, умысел, противоправность, общественная опасность, прямой умысел, косвенный умысел, ответственность, преступление.

THE INTELLECTUAL ELEMENT OF INTENT AND ITS INTERPRETATION

Vadim V. Khilyuta

Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics,
Yanka Kupala State University
Belarus, Grodno
E-mail: tajna@tut.by

Subject of research: the article considers the question of the essence of the intentional form of guilt. Aspects of understanding the intellectual component of the intentional form of guilt under the criminal law of Russia and Belarus are outlined.

Purpose of research: to determine the essence of the intellectual component of the intentional form of guilt and aspects of the interpretation of direct and indirect intent by the law enforcement officer.

Methods and objects of research: traditional methods of socio-legal and formal dogmatic analysis were used during the research: documentary, historical and legal, analytical, systematic, logical.

Main results of research: the author states that the awareness of public danger and illegality has a different explanation within the framework of criminal and administrative-tort law. However, in their essence, these concepts have the same purpose. The presence of double criteria regarding the difference between direct intent and indirect in criminal law levels the volitional component of guilt, because desire is always replaced by foresight, which necessarily expands the boundaries of direct intent. The construction of the subjective side of the corpus delicti contained in the criminal law (Article 25 of the Criminal Code of the Russian Federation) allows us to assert that today the content of the volitional sign of an intentional form of guilt is determined based on the content of the intellectual sign of intent. This is wrong, because the main difference between direct intent and indirect intent should be based on the volitional component of guilt.

Keywords: guilt, intent, illegality, public danger, direct intent, indirect intent, responsibility, crime.

Введение

Вина и виновность являются ключевыми признаками преступления и состава преступления как институционального образования. Однако понимание их сущности и отражение в законе не всегда идентично тому смысловому предназначению, которое нередко вкладывается в объем данного понятия. Понятие вины характерно как для определения сущности преступления, так и для понимания признаков состава преступления. Более того, вина, как характерный признак, присуща и административному правонарушению. Но сравнительное исследование данных институтов в уголовном и административно-деликтном праве выявило их нетождественное понимание, что определенным образом сказывается на вопросе привлечения лиц, допустивших деликт, к административной или уголовной ответственности.

Результаты и обсуждение

Уголовный закон в описании умышленной формы вины определяет, что лицо должно осознавать общественную опасность своих действий (бездействия). Об этом прямо указано, как в ч. 2 ст. 25 УК РФ, так и в ч. 2 ст. 22 УК РБ. Сознание общественной опасности деяния (действия или бездействия) означает понимание его фактического содержания и общественного значения. Здесь сознание представляет собой человеческую способность к воспроизведению действительности в мышлении. В этом аспекте осознание как интеллектуальный компонент вины представляет собой мыслительный процесс, протекающий в сознании человека и заключающийся в понимании им основных и социально значимых характеристик (свойств) совершаемого деяния и наступивших в результате этого деяния последствий.

Как отмечается в правовой литературе, осознание – единственный элемент психологического содержания вины, который объединяет прямой и косвенный умысел в единую умышленную форму вины. Именно по этой причине общее определение умысла можно сформулировать как осознанное, намеренное совершение преступления. Предвидение, желание, сознательное допущение и безразличное отношение имеют по отношению к осознанию производный, вторичный характер [1, с. 25]. Осознание, как таковое, предопределяет умышленный характер вины. Это первый аспект осознания.

Второй аспект связан с вопросом осознания противоправности деяния. И в этой связи зачастую поднимается вопрос о том, должен ли субъект помимо осознания общественной опасности совершаемого деяния осознавать еще и противоправность деяния. По этому поводу нередко указывается, что осознание общественной опасности не означает вовсе, что лицо должно задумываться над общественной опасностью своего деяния. Для наличия этого признака достаточно того, что лицо сознает фактические обстоятельства своего посягательства, и что это деяние причинило, или по своему содержанию и направленности могло причинить существенный вред охраняемым уголовным законом интересам. Эти обстоятельства могут сознаваться практически любым здравомыслящим лицом. Замена этого признака умысла на

сознание лицом противоправности своего деяния, как отмечает И.О. Грунтов, может причинить только вред, или породить коллапс в правоприменительной практике [2, с. 44-45]. В такой ситуации лицо, сознающее, что причиняет существенный вред каким-либо интересам, в свое оправдание может всегда ссылаться на незнание закона. Поэтому осознание общественной опасности деяния (действия или бездействия) обычно предполагает и осознание противоправности (запрещенности) деяния. То есть сознание противоправности означает и то, что совершаемое виновным деяние противоречит нормам установленного правопорядка.

Однако в таком ключе сознание противоправности не особо отличается от сознания общественной опасности, поскольку для осознания противоправности требуется лишь понимание социальной сущности своего деяния. По этой причине в правоведении нередко констатируется, что осознание общественной опасности охватывает собой и осознание противоправности, потому как лицо осознает социальную вредность своего поступка и предвидит его значимые последствия, а также это же лицо понимает запрещенность своего поведения и возможность наступления юридических последствий.

Тем не менее, здесь есть один момент, на который следует обратить внимание. Говоря о сознании лицом противоправности деяния вовсе не требуется, чтобы это лицо осознавало факт преступности совершаемого им акта (поведения). Лицо должно осознавать содержание самого поведения и его неправомерность. По этой причине заслуживает внимания предложение А.И. Бойко связывать осознание противоправности с деятельностью специальных субъектов преступления, когда их деятельность основывается на знании специальных правил. Его предложение буквально сводится к формулированию следующей нормы в тексте УК РФ: «Вина как обязательное условие уголовной ответственности предполагает осознание лицом, совершившим запрещенное настоящим Кодексом деяние, общественной опасности своего деяния и предвидение его последствий. Знание предписаний и запретов других законов и подзаконных нормативных актов обязательно лишь для ограниченного круга преступлений, совершаемых лицами в сфере профессиональной деятельности и при условии надлежательной регламентации их труда» [3, с. 517-518].

Таким образом, когда в рассматриваемой нами ситуации применительно к понятию противоправности используют известную римскую формулу: «незнание закона не освобождает от ответственности», ее не следует толковать буквально. Потому как здесь всегда будет возникать следующий вопрос: что должен осознавать правонарушитель и преступник? Проиллюстрируем эту проблему на примере административно-деликтного законодательства.

Так, сегодня ст. 2.1 КоАП Республики Беларусь предусматривает, что «административным правонарушением признается противоправное виновное деяние (действие или бездействие) физического лица, а равно противоправное деяние юридического лица, за совершение которого установлена административная ответственность». Такая формулировка содержится в ст. 2.1 КоАП РФ. То есть ключевой момент административного правонарушения состоит в противоправности осуществляемого деяния, иначе говоря, его запрещенности, а не в общественной опасности (вредоносности) совершенного деяния – правонарушения. Буквально, это сегодня означает, что общественная опасность деяния присуща уголовному преступлению, а не административному правонарушению.

Такое положение дел прямым образом сказывается и на понимании вины. Согласно ст. 2.3 КоАП РФ вина – это психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Виновным в совершении административного правонарушения может быть признано только вменяемое физическое лицо. При этом административное правонарушение признается совершенным «умышленно, если физическое лицо, его совершившее, сознавало противоправность своего деяния, предвидело его вредные последствия и желало или сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично». Об осознании противоправности сказано также в ст. 2.2 КоАП РФ. Такое понимание вины, в принципе, можно объяснить именно тем, что если закон определяет противоправность в качестве одного из признаков

правонарушения, то, соответственно, лицо, совершая деяние, должно осознавать то, что оно запрещено законом.

Основное отличие в данном случае вины в административном правонарушении от вины как признака субъективной стороны состава преступления заключается в том, что физическое лицо (в отношении юридических лиц вообще действует принцип объективного вменения) при совершении административного правонарушения должно осознавать не общественную опасность (вредоносность) своего деяния, а именно противоправность. Именно на этом обстоятельстве сегодня сделан акцент в КоАП. Что же это означает: осознание противоправности административного правонарушения и имеется ли принципиальное отличие от осознания вредоносности совершаемого лицом деяния?

Если исходить из того, что противоправность есть запрещенность административного правонарушения, состав которого прописан в КоАП, то первый вывод напрашивается сам по себе. Физическое лицо должно осознавать, что деяние, которое оно совершает, прямым образом запрещено в КоАП. Но здесь и возникает вопрос, а если лицо не знает о том, что совершаемое им деяние является правонарушением, как тогда быть?

Отметим, что в одном из обобщений по делам об экономических правонарушениях Генеральная прокуратура Республики Беларусь применительно к такому преступлению, как нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и камнями (ст. 223 УК РБ), по этому поводу прямо указала, что нередко основаниями к отказу в возбуждении уголовных дел правоприменителями указывалась «неосведомленность покупателей о необходимости оттисков государственных клейм». Вместе с тем, как указала Генеральная прокуратура Республики Беларусь, по такого рода делам законодатель не включает осознание противоправности в определение умысла (ст. 22 УК РБ). «Осознание противоправности деяния не является обязательным, поскольку совершение умышленного преступления возможно без знания его запрещенности уголовным законом, что следует принимать во внимание при принятии решений об отказе в возбуждении уголовных дел по такому основанию» [4, с. 355]. Тем самым, было отмечено, что для осознания противоправности характерно знание запрещенности определенного поведения законом.

Если данный постулат переложить на сферу административного судопроизводства, то вытекает довольно-таки парадоксальная картина, хотя она вовсе не отвечает существующей реальности. Грубо говоря, если следовать логике Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, то оказывается, что если указан признак противоправности, то лицо должно знать запрещенность того или иного поведения, т. е. осознавать то, что совершаемое им деяние прописано в качестве правонарушения в норме закона (КоАП или УК). В принципе, в обоснование данного суждения можно приводить различные примеры из практики, когда именно таким образом исходил правоприменитель, давая оценку противоправности поведения физического лица.

Таким образом, можно сделать вывод, что если лицо не осознает противоправности своего поведения (если следовать буквальному прочтению нормы закона), то ответственность за совершение умышленного правонарушения должна исключаться. Однако так ли обстоит все на самом деле, и действительно ли закон требует осознания лицом противоправности своего деяния в том строгом смысле, что, совершая умышленное правонарушение, физическое лицо должно достоверно знать о том, что существует подобного рода запрет, и он не вправе учинять то или иное действие в обход существующего запрета?

Все-таки когда мы ведем речь об осознании противоправности деяния и осознании его общественной опасности (вредоносности), то понятия эти весьма различны. Стоит напомнить, что в административно-деликтном праве закреплена психологическая концепция вины, суть которой сводится к тому, что физическое лицо должно осознавать не столько вредоносность своего деяния, сколько, главным образом, его запрещенность. То есть лицо не просто должно понимать фактическое содержание и значение совершаемого им деяния, социальную опасность своего поведения, но и то, что за такое деяние (а не за какое-либо другое) установлена административная ответственность. Наверное, такое положение дел связано с тем, что не всякое общественно

опасное (вредоносное) деяние является противоправным. Здесь действует пресловутая аксиома: «незнание закона не освобождает от ответственности». Однако вряд ли в наши дни она остается с гносеологической точки зрения такой же незыблемой и априори верной, как во времена Древнего Рима.

Ведь если взять ряд запретов, существующих в сфере рынка ценных бумаг и банковской деятельности, налогообложения, предпринимательской деятельности, таможенного регулирования, экологической безопасности, использования топливно-энергетических ресурсов, архитектурной и градостроительной деятельности и т. д., то речь будет идти непременно о нарушении специальных правил. Полагаем, что знание данных правил и есть обязательное условие наступления административной ответственности. Поэтому лицо должно обязательно знать подобные правила, если мы ставим вопрос о привлечении его к административной ответственности за их нарушение.

В чем же тогда принципиальное отличие в характере осознания противоправности и общественной опасности (вредоносности) совершенного деяния (действия или бездействия)? С одной стороны, осознание общественной опасности (вредоносности) совершенного деяния предполагает, что лицо, его учиняющее, понимает социально-опасный характер своего поведения, его фактические последствия, причиняемый вред и т. д. С другой стороны, осознание общественной опасности также характеризует социально упречное поведение других лиц к совершаемому поступку, его негативную и отрицательную оценку со стороны общества. То есть оценка акту человеческого поведения может даваться как самим лицом, его совершающим, так и обществом в целом. Однако факт осознания совершаемого деяния не может замыкаться на самом лице, его учинившем.

Такое положение вещей породило в уголовном праве постулат, согласно которому по любому уголовному делу констатируется презумпция сознания общественной опасности и необходимости доказывания только социальной значимости отдельных фактов [5]. Сознание противоправности в наши дни не требуется, иначе, как отмечают некоторые криминалисты, это означало бы, что к ответственности можно привлечь только то лицо, которое досконально знает закон. Соблюдение на практике этого требования «вызывало бы неосновательное освобождение от уголовной ответственности лиц, которые, сознавая общественно опасный характер своего деяния, впоследствии сослались на незнание уголовного закона» [6, с. 166].

Однако конкретные уголовные дела в этой части ставят под сомнение данный тезис, потому как в ряде ситуаций физические лица вполне осознают вредоносность совершаемых ими деяний, но их поведение не расценивается именно как преступление (или покушение на него) потому, что данные лица не осознавали противоправность своего деяния, заблуждались в оценке преступности совершаемого деяния. И хотя сегодня осознание противоправности не требуется в интеллектуальном компоненте вины, правоприменительные органы по ряду дел фактически ссылаются на данный признак, указывая тем самым, что если лицо не осознает противоправность, то это и не является преступлением (или покушением на преступление).

Следовательно, можно предположить, что если лицо не осознавало противоправность своего деяния, то оно и не может быть привлечено к уголовной ответственности, хотя такое лицо в полной мере осознавало общественную опасность своего поведения и желало совершить незаконные действия с наркотическими веществами. Однако реальность административного судопроизводства говорит об обратном. Сегодня никто из правоприменителей фактически не ссылается на то обстоятельство, что физическое лицо не может быть привлечено к административной ответственности на том основании, что оно не знало правовой нормы, и в таком случае не может наступить административная ответственность. Очевидно, что таким образом противоправность в административно-деликтном праве никто не толкует. Тогда возникает естественный вопрос: каким же образом следует понимать осознание противоправности административного правонарушения?

В духе поставленного вопроса вполне понятно, что если рассматривать противоправность исключительно как понимание установленного запрета и его осознания (правонаруши-

тель должен знать о существовании определенной нормы), то это ни к чему хорошему не приведет и породит коллапс существующей системы (потому как все будут утверждать, что они не знали закон). Речь скорее должна идти о том, что правонарушитель осознает и понимает негативный характер своих действий. Но если именно так ставить вопрос, то это уже не осознание противоправности в чистом виде. Здесь больше крен смещается в сторону того, что правонарушитель осознает вредоносность своих действий. А вредоносность деяния не является признаком административного правонарушения. В этом и состоит суть проблемы.

Более того, общественная опасность (вредоносность) и противоправность не тождественные понятия, они соотносятся между собой как содержание и форма. Поэтому если исключить из понимания административного правонарушения указание на то, что оно лишено вредоносности, то тогда получается, что само определение административного правонарушения лишено содержательной части, и указывает лишь на его формальную определенность – противоправность. Однако государство не может обязать своих граждан знать все законы. Следовательно, противоправность не может существовать без содержательного компонента в определении правонарушения – вредоносности деяния. Поэтому физическое лицо при совершении административного правонарушения должно осознавать не только его запрещенность, но и вредоносность своего поведения, его антисоциальное значение для интересов различных субъектов.

Таким образом, с теоретической точки зрения сегодня правоприменитель оказался в замкнутом круге. Если определение административного правонарушения не знает такого признака, как «вредоносность», то очевидно, что этот признак и не может появиться в характеристике интеллектуального компонента вины административного правонарушения. Как тогда можно осознавать вредоносность деяния, если определение административного правонарушения не содержит в себе этого признака? Есть только указание на противоправность, но вряд ли сегодня найдется хоть одно физическое лицо, которое бы знало все существующие запреты. Поэтому в чистом виде осознавать противоправность в ряде ситуаций попросту невозможно.

При этом, когда мы говорим об осознании противоправности, то само осознание характеризуется знанием и отношением. Причем именно отношение выражает сущность осознания, отношение своего поведения к другим ценностям, их противопоставление. Следовательно, если мы подчеркиваем то, что при осознании противоправности лицо должно знать сущность установленного запрета (или его наличие), то этого явно недостаточно. Лицо не просто должно знать фактические признаки своего деяния, но и понимать социальную значимость осуществляемого деяния (своего поведения). Иначе характеристика «осознание противоправности деяния» будет пониматься различными субъектами правоприменительной деятельности по-разному.

Таким образом, осознание противоправности административного правонарушения предполагает, что лицо должно знать не только сам запрет, но и его содержательную часть в плане знания нормативных предписаний, содержащихся в иных отраслях права, а не только в административно-деликтном. То есть в данном случае лицо должно не предполагать, а точно знать, что, например, тот или иной вид рыбы, им пойманный, занесен в Красную книгу, и рыба, которую лицо поймало, является именно таковой. В этом и заключается суть противоправности.

Однако заметим, ввиду неясности самого нормативного предписания о том, что же конкретно должно осознавать лицо, и о какой противоправности следует вести речь, данная правовая характеристика интеллектуального компонента вины может толковаться по-разному, и объем понятия «осознание противоправности» может правоприменителем как расширяться, так и сужаться.

Таким образом, если сегодня сознание противоправности деяния, т. е. его формально-юридического аспекта, не является обязательным условием для констатации наличия вины в действиях лица в уголовном праве, то в административно-деликтном праве понятию «осознание противоправности» придается совсем иной смысл, который не сводится сугубо к зна-

нию лицом существующего запрета. Осознание противоправности в административном праве, по сути, рассматривается в широком понимании и толкуется правоприменителем исходя из того, что физическое лицо, совершая правонарушение, осознает вредоносный характер своего деяния, и такое же осознание противоправности осуществляемых им действий присутствует у других субъектов правоотношений.

Итак, сознание общественной опасности предполагает и осознание наступления общественно опасных последствий, т. е. то, что лицо осознает и предвидит те последствия, которые наступят в результате совершения им определенного деяния. Предвидению всегда предшествует сознание, и именно сознание предопределяет то, что может предвидеть лицо, и формировать желаемый результат. Поэтому можно сказать, что предвидение является существенной характеристикой сознательной деятельности человека [7, с. 133].

Тем не менее, как на уровне уголовного закона, так и в доктрине уголовного права отмечается, что прямой умысел отличается от косвенного тем, что в первом случае лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий (прямой умысел), а во втором случае – только их возможность (косвенный умысел).

Так, «Р., поджигая дом своего недруга, действовал с прямым умыслом, предвидя причинение крупного материального ущерба. Его не остановило то, что в доме находилась престарелая мать хозяина дома. Р. допускал, что она может погибнуть, но в то же время полагал, что, возможно, ей удастся выбраться. Женщина погибла. В отношении ее смерти Р. действовал с косвенным умыслом» [8, с. 320].

Однако возникает вопрос: как в подобной ситуации определить, предвидит ли виновный большую или меньшую степень вероятности наступления общественно опасных последствий? Поджигая дом, и осознавая то, что в доме находится человек, он, конечно же, предвидит наступление общественно опасных последствий от своих действий. Но они возможны или неизбежны? И если в этом случае ведут речь только о том, что виновный предвидит вероятность наступления таких последствий, то можно ли ее измерить и определить как большую или меньшую? Очевидно, что даже если и можно, то это настолько субъективно, что даже не подлежит обсуждению. Нам неизвестны такие критерии большей или меньшей степени вероятности наступления общественно опасных последствий. Они, конечно же, могут зависеть от конкретных обстоятельств дела, но если мы ведем речь о косвенном умысле, исходя из предложенного примера, то установить его можно только на основании волевого компонента вины, т. е. желания виновного лица.

Если лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий при прямом умысле, то указание на возможность больше характеризует безразличное отношение лица к факту наступления последствий (элемент неопределенности), что свойственно законодательной модели косвенного умысла сегодня. С другой стороны, и сама неизбежность может свидетельствовать о том, что лицо сознательно допускает наступление неких последствий. Это означает то, что указанные признаки, строго говоря, не могут быть отличительными критериями разграничения прямого и косвенного умысла, т. к. в любой неизбежности сокрыта доля возможности (вероятности), в связи с чем неизбежное, по мнению виновного, последствие может не наступить вовсе. По этой причине, как полагает Н.Г. Иванов, «неизбежность наступления результата заключена не в субъективных свойствах человека, а в объективных обстоятельствах, поэтому предвидение возможности наступления последствий есть понятие более широкое с точки зрения субъективной стороны состава преступления» [9, с. 260].

Законодательная формула прямого умысла, указывающая на то, что лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, допускает альтернативу, когда лицо может предвидеть только возможность либо только неизбежность наступления преступных последствий (а равно – все вместе). Таким образом, можно констатировать, что в случае покушения на совершение преступления с прямым умыслом возможна ситуация, когда лицо предвидит неизбежность или только возможность наступления обще-

ственно опасных преступных последствий. Это буквально означает то, что покушение на совершение преступления с прямым умыслом будет иметь место и тогда, когда лицо предвидит возможность наступления последствий. Если же обратиться к законодательной формуле косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ), то мы увидим, что именно при косвенном умысле лицо предвидит только лишь возможность наступления общественно опасных последствий, хотя доктрина уголовного права отрицает ситуацию, когда покушение на совершение преступления может иметь место с косвенным умыслом.

В этой ситуации возникает еще один закономерный вопрос: почему тогда невозможно покушение на преступление с косвенным умыслом, если такое возможно при прямом умысле, когда лицо также предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. При одинаковой возможности предвидения наступления общественно опасных последствий основной критерий отличия прямого умысла от косвенного лежит все-таки в волевом компоненте вины. Выходит, что если именно волевой компонент вины позволяет определить надлежащий критерий отличия прямого умысла от косвенного и тем самым ответить на вопрос о том, почему покушение невозможно с косвенным умыслом, то, следовательно, интеллектуальный компонент вины не имеет принципиального значения при решении вопроса об отличии прямого умысла от косвенного.

Поэтому, когда зачастую косвенный умысел характеризуется как эвентуальный, то это накладывает свой отпечаток на характеристику критериев их различия. И то, что понимается под эвентуальным умыслом, не идентично тому, что следует понимать под умыслом косвенным. Все дело в том, что эвентуальность означает возможность, и, следовательно, она затрагивает интеллектуальную сторону рассматриваемого вида умысла (когда лицо предвидит возможность наступления вредного последствия), тогда как косвенность, или индиректность, является выразителем волевого аспекта вины (субъективная воля лишь косвенно направлена на противоправный результат). Следовательно, поскольку эвентуальность представляет собой признак, выражающий только интеллектуальный момент, а косвенность – волевой момент вины, то можно резюмировать, что этим видом умысла в действующем УК РФ представлен эвентуально-косвенный умысел, но никак не косвенный умысел.

Когда данный вид умысла именуется в последней вариации, это свидетельствует о том, что в качестве ориентира дефиниции выступают основные аспекты вины (интеллектуальный и волевой) не одновременно, а раздельно. Определяя же его как эвентуально-косвенный умысел, вышеупомянутые аспекты можно считать унифицированными [10, с. 62]. Соответственно, если эвентуальный умысел отражает интеллектуальный компонент вины, а косвенный – волевой, то в этой ситуации следует определиться, что брать за основу. А когда фактически мы руководствуемся обоими критериями, то это не дает должного эффекта, потому как нет целостной пропорции, которая бы характеризовала основу, а не совмещала в себе взаимоисключающие критерии.

Представим себе, что один из бизнесменов решил устранить своего конкурента, и с этой целью он подложил взрывчатку в автомобиль. И по замыслу, когда с утра бизнесмен должен был сесть за руль автомобиля, должен был произойти взрыв. Однако в это время вместе с бизнесменом в автомобиль сели его жена и сын. Преступник, конечно, не желал их смерти, но сознательно допускал. Взрыв произошел, но никто не пострадал. В отношении своего конкурента – бизнесмена – виновный действовал с прямым умыслом на убийство, а вот в отношении иных лиц – с косвенным, потому как допускал, что с потерпевшим могут быть иные лица, и смерти их не желал, но относился к этому факту безразлично.

Тем не менее, применительно к покушению на убийство супруги и сына бизнесмена мы не можем сказать о том, что лицо действовало с косвенным умыслом. Теория уголовного права отрицает покушение с косвенным умыслом. Но законодательная формула прямого умысла (ст. 25 УК РФ) указывает на то, что лицо предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий. В рассматриваемом примере, виновный предвидел возможность наступления общественно опасных последствий. Означает ли это, что таким образом мы

сможем сказать о том, что в данном случае виновный действовал именно с прямым умыслом? Ведь он предвидел возможность наступления общественно опасных последствий и желал их.

Складывается парадоксальная ситуация, когда мы расщепляем одно деяние применительно к разным лицам и тем последствиям, которые охватывались умыслом лица. Очевидно, что не характер предвидения здесь играет ключевую роль, а волевой критерий вины.

В аспекте сказанного, допустим, что определенное лицо выбрасывает другое лицо во время пьяной ссоры с 20-го этажа многоэтажного дома. Очевидно, что это лицо предвидит наступление общественно опасных последствий, и более того, в таком случае желает именно смерти. Но если в этой же ситуации происходит выброс со 2-го этажа, то можно ли ответить однозначно на вопрос о том, предвидел ли виновный возможность или неизбежность наступления определенных последствий. Все зависит в данном случае от ряда дополнительных обстоятельств. Например, куда именно должен был упасть потерпевший: на асфальт, песок, кустарник и т. д. И если в этом случае мы констатируем наличие косвенного умысла, то возникает следующий вопрос. Представим себе, что потерпевшему вообще не были причинены в этой ситуации никакие телесные повреждения. Тогда, при утверждении о том, что имел место косвенный умысел, можем ли мы такие действия рассматривать как покушение на совершение преступления? И на какое именно?

Вопрос о сознательном допущении определенных последствий при косвенном умысле поднимает проблему о том, отличим ли тогда косвенный умысел от неопределенного (неконкретизированного) умысла, когда лицо также сознательно допускает наступление определенных последствий, но точно не может сказать, какие именно последствия должны наступить.

Приведем в этой плоскости еще один пример, когда прямой и косвенный умысел могут сочетаться. Например, преступник раздевает беспомощного пьяного потерпевшего (в этом случае имеет место грабеж и умысел будет прямой) и оставляет его на морозе без одежды, в результате чего потерпевший погибает от переохлаждения (имеет место убийство с косвенным умыслом). Однако представим себе, что в первом и во втором случае потерпевшие остались живы (например, сразу же приехала пожарная и потушила пожар, престарелые не пострадали; ограбленному потерпевшему была оказана помощь случайным прохожим и ему также не были причинены какие-либо телесные повреждения). Возникает вопрос: как квалифицировать такое деяние? Ведь если мы говорим о том, что имел место косвенный умысел, то покушения с косвенным умыслом быть не может, и об этом отчетливо говорит существующая доктрина уголовного права.

Даже если допустить вариант покушения на совершения преступления в обозначенных ситуациях, то следующий вопрос будет состоять в том, на какое именно преступление могло быть покушение (на убийство, причинения тяжких телесных повреждений и т. д.)?

Представляется, что здесь важна цель совершения деяния. Определить необходимо, в чем она состояла. И именно от ответа на данный вопрос можно предложить различные варианты квалификации рассматриваемых действий.

Описание же прямого и косвенного умысла по действующему УК РФ непременно расширяет рамки первого и сужает сферу действия второго – косвенного умысла. Это говорит о том, что лицо, сознающее общественно опасный характер своего деяния и предвидевшее неизбежность наступления общественно опасных последствий, должно привлекаться к уголовной ответственности за причинение вреда исключительно с прямым умыслом, притом независимо от того, какое намерение было у этого лица, желало ли оно наступления опасных последствий. То есть можно сказать, что тот, кто предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий, должен и желать их наступления. Однако так бывает не всегда.

Заключение и выводы

Таким образом, действующее описание субъективной стороны состава преступления, содержащееся в уголовном законе (ст. 25 УК РФ), позволяет утверждать о том, что толкование волевого признака определяется исходя из содержания интеллектуального признака умысла. И при такой постановке вопроса намерение лица может не устанавливаться вовсе. Достаточно констатировать, что лицо предвидело неизбежность наступления общественно опасных последствий. Однако эта модель умысла подменяет смысл психологических понятий в концепцию вины.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что понимание интеллектуального компонента вины неодинаково в уголовном и административном законодательстве. Более того, наличие двойных критериев в части отличия прямого умысла от косвенного в уголовном праве нивелирует волевой компонент вины, т. к. желание всегда подменяется предвидением, что непременно расширяет границы прямого умысла.

Литература

1. Иванов, С. А. Осознание как ключевой элемент вины в уголовном праве России / С. А. Иванов. – Текст : непосредственный // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4. – С. 25–33.
2. Грунтов, И. О. Психологический и социально-психологический элементы содержания вины и законодательная модель умысла / И.О. Грунтов. – Текст : непосредственный // Судовы веснік. – 2008. – № 4. – С. 40–46.
3. Бойко, А. И. Сознание противоправности, или что «должен» знать преступник / А. И. Бойко. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2008. – № 3. – С. 508–518.
4. Хилjuta, В. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правотворчества и правоприменения / В. В. Хилjuta. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 456 с. – Текст : непосредственный.
5. Дубовиченко, С. В. Сознание общественной опасности как интеллектуальный момент умысла / С. В. Дубовиченко. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2013. – № 4. – С. 37–50.
6. Уголовное право. Общая часть / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И.О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – 727 с. – Текст : непосредственный.
7. Дубовиченко, С. В. Умышленная форма вины в уголовном праве / С. В. Дубовиченко. – М.: Проспект, 2021. – 216 с. – Текст : непосредственный.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Н. Н. Белокобыльский [и др.]; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – М.: Статут, 2014. – 879 с. – Текст : непосредственный.
9. Иванов, Н. Г. Курс уголовного права. Общая часть: учебное пособие / Н. Г. Иванов. – М.: Проспект, 2020. – 784 с. – Текст : непосредственный.
10. Куталиа, Л. Г. Вина в минимальном праве / Л. Г. Куталиа. – М.-СПб.-Лондон-Нью-Йорк, 2020. – 1208 с. – Текст : непосредственный.